

П. И. МЕЛЬНИКОВ
(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Встречи с произведениями подлинного искусства никогда не бывают скоропроходящими: все, что написано настоящим художником, приковывает наше воображение, мы удивляемся широте познаний писателя, глубине его понимания жизни.

П. И. Мельников-Печерский принадлежит к числу таких писателей. В главных его произведениях господствует своеобразный тон простодушной непосредственности, заставляющий читателя самого догадываться о том, что же он хотел сказать, заставляющий думать и переживать.

Мельников П. И. (Андрей Печерский)
Бабушкины рассказы. Повести и рассказы.
М., Правда, 1989, 496 с. — с. 3–16.

-
- [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)

В год смерти Павла Ивановича Мельникова (1883) писатель и педагог, привлекавшийся в свое время по делу петрашевцев, А. П. Милуков писал: «Вместе с Гончаровым, Тургеневым, Писемским, графом Л. Толстым он, П. И. Мельников (Андрей Печерский), служит одним из представителей художественной школы, ознакомившей русское общество с разными сторонами его жизни и осветившей ее внутренний смысл. И едва ли кто из писателей этой школы сумел глубже его проникнуть в те сокровенные тайники этой жизни... где, может быть, скрывается ключ к уяснению нашего прошлого и к задачам нашего будущего».

В 1897 году было предпринято издание первого (посмертного) полного собрания сочинений П. И. Мельникова. Сам факт издания через четырнадцать лет по смерти писателя полного собрания сочинений говорит о том, что читательский интерес к его творчеству не погас одновременно с кончиной самого писателя.

Начало нового века было бурным как в общественной жизни страны, так и в литературе. Появились не только новые писательские имена, но и новые направления в литературе, однако читателя по-прежнему влекли произведения Мельникова-Печерского, и в 1909 году маститый книгоиздатель А. Ф. Маркс выпускает в свет второе издание полного собрания его сочинений, а через год выходит и третье собрание сочинений в восьми томах.

Известный в начале нынешнего века критик А. Измайлов, автор критико-биографического очерка о Мельникове-Печерском, писал: «Большинство критиков не рассмотрело ничего дальше внешних форм и внешних фактов мельниковского рассказа... Критика не хотела постигнуть синтеза работы Печерского и не могла точными словами уяснить читающей публике, почему он ей так нравится и так врезается в память, — почему, по прочтении «В лесах» и «На горах», ей становится в такой мере понятна русская душа».

С тех пор прошло еще три четверти века, но и сегодня мы наблюдаем примерно ту же картину: сам писатель не забыт, произведения его издаются и читаются с интересом, а вот литературная наука остается как бы в стороне, ее внимание не привлекло даже столетие со дня смерти автора «В лесах» и «На горах» (февраль 1983 года).

Разумеется, из истории русской литературы Мельников-Печерский не выпал, ему посвящен целый ряд литературоведческих работ, однако место его в общественно-литературном процессе XIX века все-таки не определено, и создается впечатление, будто он жил и творил вне времени,

никак не откликаясь на актуальные проблемы и вопросы своей эпохи. Порой в работах о жизни и творчестве Мельникова-Печерского проскальзывает сожаление по поводу того, что этот талантливый русский писатель слишком много лет и сил отдал чиновничьей службе и лишь последние годы своей жизни посвятил литературному труду. И не случайно, что даже в последнем собрании сочинений писателя (1976) М. П. Еремин пришлось защищать Мельникова-Печерского от необоснованных нападок и обвинений, не проясняющих, а лишь запутывающих и затемняющих анализ его творчества. М. П. Еремин совершенно справедливо утверждает, что Мельников-Печерский «искренне верил, что путь государственной службы был едва ли не единственным для каждого передового человека, желавшего принести родине хоть малую, может быть, но зато реальную пользу. И в этой уверенности он был не одинок».^[1]

Действительно, Мельников-Печерский долгие годы состоял на государственной службе, однако высокие правительственные чиновники смотрели на него не как на рьяного исполнителя их воли, а как на крупнейшего и авторитетнейшего знатока так называемого «раскола», который представлял государственную проблему, поскольку в те времена примерно десять процентов населения Российской империи придерживались старой веры. Следует также заметить, что интерес П. И. Мельникова к «расколу» носил не только исторический характер, но и общественный, и сам он по этому поводу, в частности, писал: «Русская публика жаждет уяснения этого предмета, горячо желает, чтобы путем всепросвещающего анализа разъяснили ей наконец загадочное явление, отражающееся на десятке миллионов людей и не на одной сотне тысяч народов в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, Японии».

И вот этой общественной задаче П. И. Мельников целиком посвятил и свою жизнь, и все свое творчество, а вся его долголетняя чиновничья служба, по сути дела, была научно-изыскательской работой, которая позволила ему досконально изучить один из сложнейших и запутаннейших вопросов русской истории и русской действительности.

«Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол!..

Многочисленные сочинения полемического содержания касались не сущности дела, но лишь случайных, внешних его признаков, которые никогда не заключали в себе ровно ничего существенного. Еще менее выяснили раскол сочинения исторические...

Да, надо откровенно сознаться, что в продолжение двухсот лет ни русская администрация, ни русская литература ничего почти не сделали для разъяснения этого предмета, предмета темного, не любящего света и к тому же, по стечению обстоятельств, на долгое время поставленного в потемки тайны. Администрация сначала воздвигала костры, потом собирала подать с бороды и рядила раскольников в кафтаны с козырем и знаком на вороту, а впоследствии облекла все дело раскола в непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о том, сколькими пальцами ради спасения души надо креститься и сколько раз надо говорить «аллилуйя», а потом стала искать в расколе воображаемых качеств, основывая свои воззрения не на личном знакомстве с расколом и раскольниками и не на взгляде их на религию и социальные отношения».

Критик Нестор Котляревский писал в начале нынешнего века: «Велик был минувший век в своем даре созидания философских систем и их разрушения, и в особенности силен он был даром воссоздания всего их исторического прошлого. Созидая и ломая, он бережно, с любовью относился к старине. Он вообще обладал способностью отдаваться воспоминаниям и размышлять о прошлом среди самых интенсивных переживаний дня».

Павел Иванович Мельников был истинным сыном своего времени. Он пристально изучал такое современное ему русское явление, каким являлся религиозный «раскол», изучая его с точки зрения исторической, религиозной, социальной, нравственной и бытовой. Он не только собирал и изучал документы, связанные с «расколом», он пытливо изучал самих раскольников, заводил с ними тесное знакомство, вступал в переписку, в нем одновременно жили историк и писатель, возможно, иногда историк и «мешал» писателю, а писатель историку, однако накопленный за долгие годы самоотверженной работы груз глубоких знаний и ярких впечатлений выработал в нем ту самобытность, которую так ценили еще его современники.

Смотришь на портрет Павла Ивановича и видишь в его облике что-то «раскольниковое»: тяжелая борода, спокойные, умные и непроницаемые глаза, видишь человека, для которого как бы и не было «потемок тайны». И тут следует заметить, что к моменту окончания университета П. И. Мельников знал о «расколе» не

больше, чем любой другой молодой человек, получивший университетский диплом, однако судьба распорядилась так, что по воле случая ему пришлось всю жизнь «всепросвещающим анализом» рассеивать «потемки» старообрядческих тайн.

Павел Иванович Мельников **родился 25 октября** (6 ноября; 1818 года в Нижнем Новгороде в семье Ивана Ивановича Мельникова и его жены Анны Павловны в доме своего деда по матери надворного советника Павла Петровича Сергеева, в честь которого и нарекли первенца.

Род Мельниковых принадлежал к старинному дворянству, но он не был ни знатным, ни богатым. Отец будущего писателя хотел в молодости поступить в открывшийся в 1805 году Казанский университет, но за недостатком необходимого образования («Латинского языка вовсе не знал, а по математике знал только четыре арифметических правила». — П. Мельников. Автобиография) оставил эту мысль и поступил в набиравшееся в ту пору по случаю войны с Наполеоном земское войско, где его избрали сотенным начальником. В 1808 году милицию (так стало называться земское войско) распустили, и Иван Иванович Мельников поступил на действительную службу в Уфимский пехотный полк, а затем в рядах Великолуцкого пехотного полка совершил походы за границу (1813–1814). В 1816 году его перевели в Нижегородский гарнизонный батальон и вскоре назначили начальником жандармской команды. Впрочем, тогда это была всего-навсего обыкновенная полицейская стража. С рождением первенца Иван Иванович Мельников вышел в отставку и до конца своих дней (1837) служил по выборам дворянства Нижегородской губернии.

Ни отец, ни дед будущего писателя не извлекли из службы каких-либо особых материальных выгод и потому не могли дать своим детям того начального образования и воспитания, которое получали многие дети людей их круга, их сословия. До десяти лет П. Мельников обучался дома, и тут особую роль в его развитии сыграла мать, Анна Павловна, привившая сыну любовь к чтению, любовь к литературе и истории. Десятилетний мальчик переписывал в тетради стихи Пушкина, Жуковского, Дельвига, Баратынского.

В 1829 году П. Мельников поступил в Нижегородскую гимназию, которую успешно окончил в 1834 году. Особых впечатлений из гимназии он не вынес и потом с благодарностью вспоминал лишь учителя словесности Савельева и учителя зоологии Кученеева. Правда, навсегда запомнилась одна история. В те времена в Нижнем Новгороде уже был театр, и многие

гимназисты с увлечением посещали его, увлечение переросло в желание самим ставить спектакли, и тому выдался подходящий случай. Учитель математики приходил на урок и минут через пятнадцать обычно отпускал учеников домой, но те шли не домой, а торопились в одну из башен нижегородского кремля, где они оборудовали свой собственный театр. «Башня, — вспоминал потом П. И. Мельников, — понадобилась гарнизонному начальству под цейхгауз, и батальонный командир, придя ее осматривать, застал нас во время представления «Поликсены». Драматическую труппу, под присмотром солдат, отправили к директору, а башню заперли. С нами расправились, по тогдашнему обычаю, довольно круто».

История докатилась до Казани, где находился учебный округ, и оттуда последовало распоряжение «разобрать дело как можно строже». «Из ребяческой нашей шалости, — писал П. И. Мельников, — сумели раздуть страшную историю. В городе рассказывали вещи, несодеянные, будто мы, одиннадцати- и двенадцатилетние мальчики, составили опасный заговор для ниспровержения существующего порядка».

Вероятно, этот случай можно было бы зачислить в разряд курьезов, не характеризуй он той общей атмосферы, что царила даже в провинции после подавления восстания декабристов долгие годы. Поначалу дворяне стали предпочитать военной службе, опасной в силу активной деятельности III Отделения в армии, университеты, однако вскоре репутация столичных университетов среди дворянства была подорвана деятельностью студенческих кружков и репрессиями III Отделения. Посылать детей в Московский и Петербургский университеты стало считаться тоже делом опасным.

Но если старшее поколение пребывало в тревоге, то молодое в силу своей молодости жило радужными надеждами. В июле 1834 года Павел Мельников в числе других двенадцати человек успешно сдал выпускные экзамены и получил аттестат из рук самого принца Ольденбургского, прибывшего на торжественный акт в Нижегородскую гимназию. Однако в Московский университет родители своего первенца непустили, и он в компании трех своих товарищей и учителя русской словесности Савельева отправился по Волге в Казань.

Вот как потом вспоминал П. Мельников окончание этого приятного путешествия:

«Дощаник от услонского берега круто поворотил к Бакалде. Казань стала перед нами, как на ладони.

— Где университет? Где университет?? — в один голос спросили мы Александра Васильевича Савельева.

— Вон, направо от тех башен, видите на горе белое здание? Это университет.

Мы невольно сняли фуражки. Я всегда был нервным мальчиком: у меня слезы выступили на глазах; с каждым взмахом весел яснее и яснее представлялись глазам нашим университетские здания. Будто растут, будто ширятся, будто простирают они к нам материнские объятия, и что-то вещее запело духовным ушам моим: «Сюда, сюда! здесь просвещение, здесь благо!»

И этот почти молитвенный восторг перед храмом науки переживали многие молодые люди той поры, потом восторг угаснет, начнутся университетские будни, но не угаснет культ науки и знания. И не случайно, что во второй половине XIX века в России появится так много выдающихся деятелей культуры и науки.

П. Мельников, сдав успешно вступительные экзамены, поступил на словесный факультет Казанского университета, ректором которого был Н. И. Лобачевский. К тому времени сместили с поста попечителя Казанского учебного округа печально знаменитого М. Л. Магницкого. «Преемнику Магницкого, Мусину-Пушкину, Казанский университет много обязан, — писал впоследствии П. Мельников. — Он, в продолжение более чем двадцатилетнего управления округом, восстановил университет и довел его до такого состояния, в каком он не бывал ни прежде, ни после». И хотя сам М. Н. Мусин-Пушкин не отличался особой прогрессивностью взглядов, но при нем Казанский университет сумел подобрать очень сильный преподавательский состав и снискать репутацию одного из лучших учебных заведений страны.

С особой теплотой П. И. Мельников вспоминал преподавателя русской словесности Григория Степановича Суровцева, беззаветно любившего отечественную литературу и умевшего привить к ней любовь студентам. Навсегда остался в памяти П. И. Мельникова тот день, когда Суровцев взошел на кафедру, поднял вверх руку с листком «Русского инвалида» и громко сказал: «Встаньте!» Мы встали, с изумлением глядя на профессора. Дрожащим от волнения голосом, в котором слышались горькие задушевные слезы, он прочел известие — всего несколько строк. Живое помню первые слова его: «Солнце нашей поэзии закатилось — нет более Пушкина!» Аудитория ахнула в один голос, послышались рыдания... Сам профессор сел и, склонив на кафедру седую, как серебро, голову, горько заплакал... Прошло несколько минут, он встал и сказал: «Князь русских поэтов во гробе. Его тело везут из Петербурга куда-то далеко. Быть может, оно еще не предано

земле. При не закрытом еще гробе Пушкина, как сметь говорить о русской словесности! Лекции не будет — пойдемте молиться!»

То было начало февраля 1837 года, а 18 июня в Казанском университете состоялся очередной выпуск. Курс русской словесности насчитывал всего четырнадцать человек, и среди наиболее успешно сдавших выпускные экзамены оказался Павел Иванович Мельников. На торжественный акт приехал великий князь Александр Николаевич, путешествовавший тогда по России, в свите наследника находился и В. А. Жуковский. Знаменитый поэт подошел к выпускникам-словесникам и стал расспрашивать, кто чем намеревается заниматься в дальнейшем... (Между прочим, во время этого путешествия наследник посетил Вятку, где в то время находился в ссылке Герцен. Жуковский поможет Герцену выбраться из Вятки и переехать во Владимир.)

В год окончания университета П. И. Мельников лишится отца, а мать его умерла еще в 1835 году. Но теперь, кажется, судьба улыбнулась ему. В университет П. Мельников поступал своекоштным студентом, что давало ему в дальнейшем право выбрать поприще по собственному усмотрению, однако со второго курса (в связи с затруднительным материальным положением) он был переведен на казенный кошт, а казеннокоштным студентам, согласно существовавшим тогда порядкам, после окончания университета предстояло несколько лет прослужить «по учебному ведомству». Обычно их отправляли учительствовать в самые отдаленные или глухие места. Но П. Мельникова, как окончившего курс наук с отличием, оставили при университете на год с тем, чтобы он подготовился к заграничной поездке для пополнения своих знаний. В дальнейшем он должен был вернуться в университет и занять место на кафедре славянских наречий. Перед девятнадцатилетним П. Мельниковым открывался прямой путь к профессорству. Большого, кажется, и желать было невозможно.

Безусловно, из Мельникова, человека, наделенного и незаурядными умственными способностями, и большим трудолюбием, и необычайной пытливостью ума, получился бы прекрасный, а может быть, и выдающийся ученый. Но судьба распорядилась иначе: вместо поездки на запад он отправляется на восток. Как-то на одной из вечеринок он излишне «погорячился», дело дошло до начальства, и в результате П. Мельникова отправляют в Пермь учителем истории и статистики в местную гимназию, а это означало, что ученая карьера рухнула.

Через год П. И. Мельникову удалось перевестись на ту же должность в Нижний Новгород, где у него были и родственники, и знакомые, что как-то облегчило его положение, но не изменило

его судьбы. П. Мельникова педагогическая работа удовлетворяла мало, а энергии у него было много, и он, попав в Пермь, бросается изучать новый для себя край. Позднее, в автобиографии, написанной от третьего лица, он напишет: «Один год, в продолжение которого собирал сведения о том крае, объехал некоторые заводы, обозревал Усольские солеварни. Это было первое знакомство П. И. Мельникова с русским народом... А изучал он народ так, как должно изучать его — «лежа у мужика на полатах, а не сидя в бархатных креслах в кабинете»...»

Собранные за год пребывания в Перми сведения и накопленные впечатления позволят П. Мельникову уже в 1839 году опубликовать в «Отечественных записках» главы своих «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Так начнется литературная деятельность П. И. Мельникова. В течение последующих трех лет он напечатает в «Отечественных записках», «Литературной газете» и «Москвитянине» целый ряд статей исторического, краеведческого и статистического характера. Одновременно П. И. Мельников начнет пробовать себя и в области изящной словесности. Он задумает написать большой роман о жизни губернских и уездных городов разных разрядов. В то время шел в литературе горячий спор между романтиками и реалистами, и П. Мельников безоговорочно встал на позиции реалистов. В своем будущем романе он намеревался высмеять провинциальных поклонников Марлинского и написать реалистическую картину провинциальной русской действительности.

В 1840 году на страницах «Литературной газеты» появляются его стихотворение «Великий художник» и два рассказа о некоем Елпидифоре Перфильевиче, которые, по существу, были отрывками из задуманного им романа.

Сам П. И. Мельников был довольно строгим судьей собственного таланта. Так, он признается брату, служившему на Кавказе и где-то доставшему номер «Литературной газеты» с его «Елпидифором»: «Никогда не прошу себе, что я напечатал такую гадость... Я еще мало знаю людей, чтобы писать повести, я даю тебе и себе честное слово не писать ни стихов, ни прозы до тех пор, пока не узнаю жизнь лучше... Покаюсь тебе, кстати, еще во грехе: написал я повесть, и повесть большущую... под названием «Звезда Троеславля», да этого еще мало — послал ее Краевскому, но, слава богу, он возвратил мне ее для переделок, я ее и переделал на фидибусы — раскуривал трубку этими фидибусами чуть не полгода».

П. И. Мельников свое слово сдержал, обет литературного молчания затянулся на двенадцать лет: следующее его

беллетристическое произведение (рассказ «Красильниковы») появилось лишь в 1852 году.

За годы «молчания» П. Мельников сделал неплохую карьеру, и его современникам могло показаться, будто он бросил литературу во имя карьеры. Но тут, наверное, более прав современный исследователь творчества Мельникова-Печерского М. П. Еремин, писавший «Если внимательно присмотреться к чиновничьей деятельности Мельникова, то нельзя не заметить в ней какой-то наивности, чего-то такого, что можно было бы назвать административным донкихотством. Он действовал не как исполнитель, которому приказали, а с каким-то особым рвением, инициативно».^[2]

И рвение это было не чиновничьим, а научным, порой, чтобы приобрести какой-нибудь важный документ или старую книгу о расколе, П. И. Мельникову приходилось тратить собственные деньги; порой он проникал в такие углы, какие не предполагала ни одна его служебная командировка. А сколько времени он провел в архивах, дотошно изучая старину!

По приезде в 1839 году в Нижний Новгород П. И. Мельников сблизился с директором Нижегородской ярмарки графом Д. Н. Толстым, который, по словам П. Мельникова, обратил его деятельность на изучение русской истории, древностей и русских расколов... «Преимущественно изучал я, — вспоминал потом писатель, — историю древности Нижнего и вообще бывшего Суздальского великого княжества. По нижегородской истории и археологии мне пришлось прокладывать непроторенную еще дорогу: я собирал рукописи, занимался в архивах, которых до того никто не касался».

В частности, П. И. Мельников в одной из купчих обнаружил, что полное имя знаменитого Козьмы Минина — Козьма Захарыч Минин-Сухорук, о чем он и напечатал статью в 1842 году в «Отечественных записках». А его материалы, посланные в Археографическую комиссию обратили на себя внимание министра просвещения графа С. С. Уварова, и 8 апреля 1841 года, минуя представление попечителя учебного округа, П. И. Мельникова утвердили в звании корреспондента Археографической комиссии. В 1845 году он принял на себя редакцию неофициальной части «Губернских ведомостей» и со следующего года оставил преподавание в гимназии. Почти все материалы для газеты П. И. Мельников писал сам, и хотя «Ведомости» отнимали у него очень много времени, он не переставал работать в архивах, изучать древности и все, что связано с расколом. Деятельность его не осталась незамеченной,

и в 1850 году его зачисляют на службу в министерство внутренних дел, чиновником особых поручений. Хотя П. Мельников по-прежнему живет в Нижнем Новгороде, но теперь он в качестве чиновника особых поручений ревизует городские учреждения, что дает ему возможность изучить быт купцов и мещан.

В 1849 году в Нижний Новгород приехал на жительство В. И. Даль, прежде П. И. Мельников был только знаком с ним, теперь же они близко сошлись. Конечно, не легко было на четвертом десятке лет вновь браться за перо и вновь выступать на писательском поприще, однако Владимир Иванович сумел подвигнуть на такой шаг чиновника особых поручений П. И. Мельникова, и тот в 1851 году написал рассказ «Красильниковы», а получив одобрение Даля, отослал его М. П. Погодину в «Москвитянин». В восьмом номере за 1852 год «Красильниковы» были опубликованы. Рассказ был замечен.

«Давно мы не читали в русской литературе, — писал «Современник», — ничего, что бы подействовало на нас так глубоко, что бы поразило нас такою простотою и верностью изображения, таким отсутствием всякой искусственности, как превосходная повесть под заглавием «Красильниковы», помещенная в 8 книжке «Москвитянина» и подписанная Андреем Печерским. Повесть эта обличает в авторе, имя которого мы встречаем в первый раз в печати (если только оно не псевдоним), тонкую и умную наблюдательность и при этом большое умение владеть языком...»

Действительно, это был псевдоним. П. И. Мельников жил в Нижнем Новгороде на Печерской улице, придумал он псевдоним этот еще в 1850 году, когда печатал в «Губернских ведомостях» статью «Концерты на Нижегородском театре», правда, тогда он подписался «П. Печерский», в литературу же он вошел как «Андрей Печерский».

И хотя теперь П. И. Мельников вроде бы уверовал в свой беллетристический талант, продолжать литературную деятельность ему было трудно. И не только потому, что по-прежнему много времени и сил отнимали служба и научные разыскания. П. И. Мельников никогда не занимался только каким-то одним делом, он постоянно совмещал один род работы с другой, но теперь литературная работа потребовала бы совсем иной раздвоенности — внутренней. Если мы возьмем его «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» за 1854 год, подготовленный для министра внутренних дел, то увидим, какую высокую степень правдивости мог себе позволить чиновник П. Мельников, писавший министру:

«Может ли народ с уважением смотреть на духовенство, может ли он не уклоняться в раскол, когда то и дело слышит он, как один поп, исповедуя умирающего, украл у него из-под подушки деньги, как другого народ вытащил из непотребного дома, как третий окрестил собаку?..

Может ли народ уважать духовенство, когда видит, что правда совсем исчезла в нем, а потворство консисторий, руководимых не регламентами, а кумовством и взятками, истребляет в нем и последние остатки правды?

Скорее злобные насмешки раскольников над... духовенством можно назвать мелочами, чем эти незлобивые насмешки над ним православных, доказывающие, что пастыри наши народом не уважаются».

Такую степень обличения тогда не мог себе позволить ни один писатель, в том числе и писатель Андрей Печерский, но вот чиновник П. И. Мельников в своих служебных отчетах, которые вынуждены были читать высокопоставленные лица, опираясь на факты реальной жизни, мог говорить горькую, ничем не прикрашенную правду. Однако к этому времени «служебная гласность», видимо, уже не удовлетворяла автора «Красильниковых», во всяком случае, как только в общественной жизни (после смерти Николая I) наступила оттепель, он быстро выдвигается в ряд очень заметных фигур отечественной литературы. В 1857 году в «Русском вестнике» один за другим печатаются его рассказы: «Старые годы», «Дедушка Поликарп», «Поярков», «Медвежий угол», «Непременный».

В своих «Заметках о журналах» («Современник», 1857, № 4) Чернышевский писал: «Поярков» по своему направлению... сходен с рассказами г. Щедрина, но это не подражание «Губернским очеркам», — напротив, г. Печерский обладает талантом, более значительным, нежели г. Щедрин, и по всей справедливости должен быть причислен к даровитейшим нашим рассказчикам... По художественному достоинству этот рассказ останется одним из лучших произведений нашей литературы за настоящий год».

В это время и Добролюбов ставит Печерского рядом с Щедриным, а статьи Чернышевского и Добролюбова о «Губернских очерках» позволяют судить о том, как высоко они оценивали творчество последнего.

Не могли не ободрить Печерского и такие слова Чернышевского: «Надобно жалеть о том, что он пять или шесть лет молчал, напечатав своих «Красильниковых». Если он опять вздумает поступить так же после «Пояркова», на нем будет тяжелая вина, которой не простит ему никто из его почитателей, — он должен писать». Мельников-Печерский

откликнулся на поддержку «Современника» и в следующем году опубликовал на его страницах «Бабушкины рассказы», а еще через год рассказ «Гриша».

С 1859 года Мельников-Печерский становится редактором газеты «Русский дневник», правда, издательское дело доставляло ему одни неприятности: с одной стороны — подписчиков оказалось немного, и газета приносила одни убытки; с другой — благоволивший к Мельникову министр внутренних дел Ланской поставил вопрос прямо: или газета, или служба. Не имея достаточных средств к жизни, П. И. Мельников с 5 июля 1859 года прекратил выпуск газеты. К тому же в начале года цензура запретила сборник его рассказов, хотя все они по отдельности были опубликованы в периодической печати.

В «Русском дневнике» Мельников-Печерский успел напечатать рассказ «На станции», несколько передовых статей и семь «фельетонов» о «Зоузоляцах» (так он называл людей, живущих за рекой Узолою). В какой-то мере «Зоузоляцы» окажутся неким прообразом его будущего романа «В лесах». После закрытия «Русского дневника» Мельников-Печерский активно сотрудничает в газете «Северная пчела», в которой он напечатал немало статей, в том числе статью о пьесе Островского «Гроза», рассказы «У Макарья», «В Чудове» и пять «Писем о расколе». С 1863 года Мельников-Печерский вновь возобновляет свои отношения с «Русским вестником» и с 1863 года по 1869 год опубликовал в нем целый ряд материалов о расколе («Старообрядческие архиереи», «Исторические очерки поповщины», «Счисление раскольников», «Тайные секты», «Белые голуби»).

Еще в 1862 году в «Северной пчеле» П. И. Мельников заявил: «Раскольники не заключали и не заключают в себе ничего опасного для государства и общественного благоустройства: двухсотлетнее преследование их и ограничение в гражданских правах поэтому было совершенно излишне и даже вредно, и раскольники вполне заслуживают того, чтобы пользоваться всеми гражданскими правами». И далее: «Я сам прежде смотрел на раскол, как и другие авторы...»

Действительно, взгляды П. И. Мельникова на раскол за десять лет очень изменились, но за это время изменились не только его взгляды, но и суть самого раскола. Сейчас может показаться, что П. Мельников многие годы своей жизни отдал изучению мнимой проблемы, но это далеко не так. Возьмите капитальную работу Г. Плеханова «История русской общественной мысли», и вы обнаружите, какое огромное значение в развитии русской общественной мысли (начиная с середины XVII века) имел

раскол. Со второй половины XIX века его значение начало падать, среди русских писателей XIX века Мельников-Печерский оказался почти единственным его исследователем, историком и летописцем.

Как известно, поводом к расколу послужила церковно-обрядовая реформа Никона, которую он начал проводить с 1653 года. Он настаивал на ликвидации местных различий в церковных обрядах и на унификации русских богослужебных книг на основании греческих богослужебных источников. Нововведения Никона были одобрены церковными соборами 1654–1655 годов. Противники Никона не приняли постановлений этих соборов, и произошел раскол, борьба с которым на протяжении двух веков не принесла победы официальной церкви и правительству. «При Петре Великом, — писал в 1857 году П. И. Мельников, — раскольников едва ли было более полумиллиона; теперь их до десяти миллионов обоего пола».

В конце XVII — начале XVIII века среди раскольников образовалось два главных направления: поповцы и беспоповцы. Первые признавали необходимость церковной иерархии, вторые ее отрицали. Казалось бы, для правительства и официальной церкви большую опасность должны были представлять беспоповцы, более склонные к сектантству и оппозиции властям. Раскольники довольно активно (особенно беспоповцы) поддерживали Разина, Булавина, Пугачева. Однако к середине XIX века (как раз к тому времени, когда П. Мельников стал активно интересоваться расколом) на территории Австрии в Белой Кринице была образована старообрядческая митрополия во главе с боснийским архиепископом Амвросием.

«Из первого манифеста Белокриницкого (в ноябре 1846 г.), разосланного по России, — писал П. И. Мельников, — русские раскольники узнали, что митрополит Амвросий был милостиво принят императором Фердинандом, получил от него охранную грамоту, с почетом был принят львовским губернатором и с торжественностью следовал из Львова в Белую Криницу. Во время последней войны русские раскольники узнали, что 6-го января 1855 года, когда митрополит Кирилл совершал крестный ход освящения воды, его сопровождал эрцгерцог австрийский, и, когда Кирилл погружал крест, австрийская артиллерия делала выстрелы».

«Наполеон I сделал страшную ошибку, войдя в Москву. Если бы он, притворявшийся в Египте мусульманином, вместо того, чтобы превращать кремлевские соборы в конюшни, взял бы с Рогожского кладбища раскольниковского попа, заставил бы его отслужить в Успенском соборе обедню и объявил бы

восстановление в России старой веры и старого быта, обошел бы с раскольниками крестным ходом Кремль Московский — война 1812 года имела бы другой исход», — делает предположение П. И. Мельников, однако его не столько интересует прошлое, сколько будущее. «Австрия с Белокриницкою митрополею, — продолжает он, — обходится не так, как Наполеон I обходился с православием... Что если у нас произойдет разрыв с Австриею, и впереди австрийских войск явится на русской земле митрополит Кирилл в древнем облачении русских святителей?.. Своим осьмиконечным крестом он принесет тогда нам в сто раз больше вреда, чем штуцеры и улучшенные осадные орудия англо-французов... Австрия нам страшнее всякого другого врага. Она страшнее нам всей остальной Европы, ополчившейся на нас».

С началом реформ прекратились гонения на раскольников, в 1862 году в Москве был создан «духовный совет», нечто вроде старообрядческого синода (потому-то П. Мельников и заявил в 1862 году в «Северной пчеле», что раскольники не заключают в себе ничего опасного для государства), а в 1863 году русские раскольники порвали с Белокриницким митрополитом и возвели своего архиепископа в сан «митрополита Московского и всея России».

Теперь раскол как государственная проблема П. И. Мельникова перестал интересовать, хотя он по-прежнему интересуется и расколом, и раскольниками, но то уже интерес не чиновника, а историка и писателя. В 1864–1865 годах П. И. Мельников работает редактором внутреннего отдела газеты министерства внутренних дел «Северной почты». В апреле 1864 года он был произведен в действительные статские советники, а в августе 1866 года вышел в отставку и переехал в Москву. В следующем году в «Русском вестнике» опубликовал историческую повесть «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская». Отныне он живет только литературным трудом. В 1868 году Мельников-Печерский приступил к работе над романом «В лесах».

Надо сказать, Павел Иванович Мельников был человеком неторопливым, несуетным, но твердым. Неудачным по молодости оказался его литературный дебют, и он «замолчал» на двенадцать лет; в тридцатидвухлетнем возрасте вновь дебютировал («Красильниковы»), его как писателя заметили, но внешние обстоятельства не благоприятствовали занятию литературным трудом, и он «замолчал» еще на пять лет; потом за десять лет написал много рассказов, очерков, статей, работал редактором... Выйдя в отставку, попробовал служить в «Русских ведомостях», но вскоре оставил это занятие и принялся за главный труд своей жизни — романы «В лесах» и «На горах». А ему тогда уже

исполнилось пятьдесят лет. Как и в пору своей молодости, когда он замыслил написать большой роман, его вновь одолело желание дать широкую картину русской жизни.

В 1872 году Мельников-Печерский писал жене Елене Андреевне: «Талант заключается только в том, что человек умеет взяться за работу и имеет такт. Главное же — труд, труд и труд. Не только обыкновенные смертные, к числу коих принадлежу и я, все берут главнейшим образом трудом, но даже и гений есть не что иное, как труд. Но для беллетристического труда, если не нужно небывалого вдохновения, то необходимо спокойствие духа, сосредоточенность, замкнутость... Оттого и у нас и за границей все эти вещи пишутся почти всегда не в городах, а в деревнях, в уединении».

Теперь Мельников-Печерский зимой обычно живет и работает в Москве, а летом — в небольшом имении жены, в Ляхове, расположенном верстах в восьми от Нижнего Новгорода.

В 1874 году роман «В лесах» был закончен. Новое произведение вновь заставило заговорить об Андрее Печерском как о первоклассном беллетристе, а сам писатель сразу же принимается за новый труд — роман «На горах», работа над которым займет пять лет. Заканчивал свое последнее произведение Мельников-Печерский, будучи уже очень тяжело больным человеком. Не в состоянии сам писать — он диктовал жене.

Дилогия Мельникова-Печерского сразу же привлекла внимание широкого читателя, однако личность самого автора всегда как бы пребывала в тени. В одном из своих писем он поведал такой курьезный факт: после публикации романа «В лесах» ему как-то довелось ехать в Нижний Новгород в компании генерала Ганецкого, долго говорили о расколе и раскольниках. Потом Ганецкий расскажет о встрече с П. И. Мельниковым нижегородскому губернатору Кутайсову.

«— Какой интересный человек этот Мельников, — заметит генерал Ганецкий, — только одно я за ним заметил и сказал бы ему, да мало знаком с ним, неловко. Именно, выдает за свое то, что явно вычитал из такой книги, которую все читают, а я так автору хоть свечку готов поставить. Хотел было ему сказать: «Да ведь это вы вычитали из романа «В лесах» Печерского?!»

Кутайсов на это ему ответил:

— Да ведь Мельников-то и есть Печерский; он же это и написал».

В 1881 году Павел Иванович переезжает на постоянное жительство в родной Нижний Новгород, и там, в доме на Петропавловской улице, 1 февраля 1883 года он и скончался.

Похоронили его на кладбище при женском Крестовоздвиженском монастыре.

Пройдет четверть века, и критик А. Измайлов в своем предисловии ко второму Полному собранию сочинений Мельникова-Печерского напишет: «В лесах» и «На горах» давно стали одним из тех фундаментальных для русского человека сочинений, без которых не может быть полного литературного образования».

Минул уже век, как ушел из жизни Павел Иванович Мельников, произведения его живут полнокровной жизнью, но личность его продолжает оставаться в тени. Судьба его оказалась как бы неподвластна времени.

notes

Note1

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Правда, 1976. Т. 1, с. 18.

Note2

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Правда, 1976. Т. 1, с. 18.